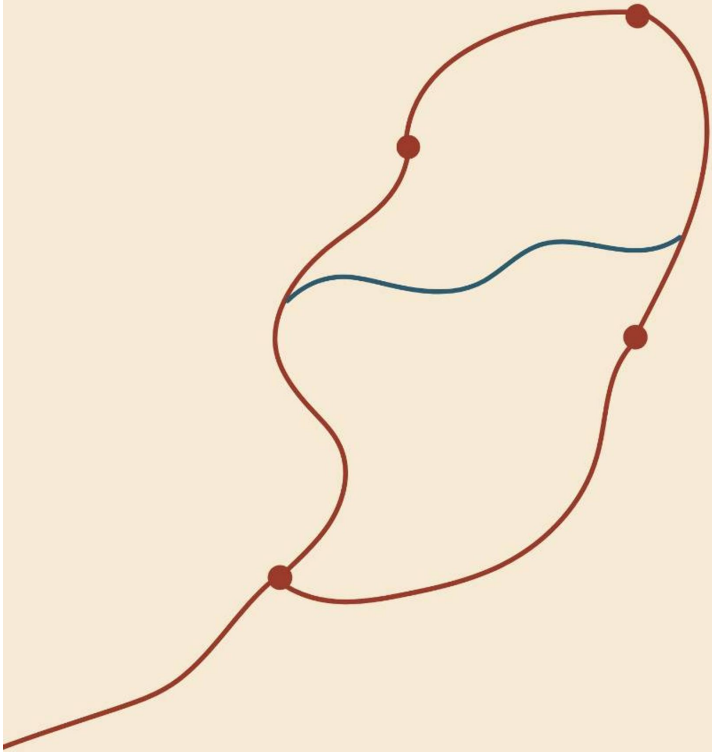
МОИ ЛЮБИМЫЕ МОСКОВСКИЕ МАРШРУТЫ

Маршрут 1

Третьяковка

Максим Воробейчик

Максим Воробейчик

Мои любимые московские маршруты. Маршрут 1: Третьяковка

https://litres.ru/73787099
SelfPub; 2026

Аннотация

Что общего у купцов Замоскворечья, масонской символики Баженова, многолетнего долгостроя нового корпуса Третьяковки и ГЭС-2? Всё это один маршрут. От второго выхода метро «Третьяковская» мы идём через Замоскворечье Островского, Болотный остров с Домом на Набережной, «Красный Октябрь» и Музеон до Крымского моста — и читаем город как историю о деньгах, вере и мечтах. Три главы, десятки остановок, почти сто карт и иллюстраций.

Содержание

Глава 1 4
Часть 1: Церковь иконы Божией Матери Всех скорбящих Радость на Большой Ордынке 4
Конец ознакомительного фрагмента. 14

Максим Воробейчик Мои любимые московские маршруты. Маршрут 1: Третьяковка

Глава 1

Часть 1: Церковь иконы Божией Матери Всех скорбящих Радость на Большой Ордынке

Выход №2 из метро «Третьяковская». Мы в Замоскворечье — районе, который веками жил по своим правилам. Где за фасадами нет показной столичности. В Замоскворечье до революции не любили строить высокие доходные дома, как на Тверской. Купцы предпочитали жить «на земле»: с садом, огородом и крепкими воротами. Поэтому и сегодня здесь так много тупиков и извилистых переулков (Черниговский, Голиковский, Пыжевский) — каждый из них когда-то вел к конкретной усадьбе или храму. Это «допетровская» Москва,

когда дома строили по сторонам света или вдоль древних троп, а не по линейке архитекторов.

Замоскворечье

Главным «летописцем» этого района стал Александр Ост-

ровский, которого Аполлон Григорьев прозвал «Колумбом Замоскворечья». Он родился на Малой Ордынке. Служа в коммерческом суде, Островский видел изнанку купеческого быта: реальные драмы, банкротства и те самые «шекспировские страсти», скрытые за глухими заборами Пятницкой и Ордынки. Его пьесы превратили обычных обитателей местных переулков в бессмертных литературных героев: «Гроза», «Бесприданница», «Женитьба Бальзаминова».

В последней особенно четко угадывается уклад района. Главный герой, мелкий чиновник Миша Бальзаминов, живет в мире, где время остановилось: важнее всего послеобеденный сон, гадания на картах и то томительное безделье, которое рождает самые нелепые мечты. Это история о том, как за закрытыми дверями уютных домиков и высокими заборами кипела своя, ни на что не похожая жизнь. Бальзаминов «выхаживает» свое счастье в лабиринтах местных переулков, надеясь на чудо или богатую невесту, — в этом весь дух того старого, сонного, но по-своему очаровательного Замоскворечья.

Александр Островский

Сегодня у его родового дома на Малой Ордынке сохраняется тот самый ритм несуетливой, «домашней» Москвы, которую драматург так бережно зафиксировал для истории.

Сворачиваем на Большую Ордынку. Само название улицы хранит память о главной дороге на юг: в XIV–XVI веках отсюда начинался тракт в Золотую Орду, вдоль которого селились ханские послы, гонцы и толмачи. Именно по этой линии ехали торговые караваны и князья, отправлявшиеся к хану «за ярлыком» (разрешением на княжение). А справа от нас за изящной оградой показывается храм иконы Божией Матери Всех скорбящих Радость.

Кажется, будто на секунду мы перенеслись в античный Рим, чьи классические формы прижились в северном климате. Такой «римский мираж» — не случайность, а сознательный жест эпохи. После пожара 1812 года рождается московский ампир — стиль дисциплины и порядка, и этот храм стал его совершенной формулой.

Посмотрите на купол — тяжелый, полусферический, как будто выверенный циркулем. Ниже — строгая колоннада ионического ордера. Эти колонны не столько поддерживают конструкцию, сколько поддерживают идею: гармония не обсуждается, она утверждается. И даже цвет — этот мягкий желтый — негласный стандарт той Москвы, попытка придать городу единый, спокойный и уверенный облик.

Церковь иконы Божией Матери
Всех скорбящих Радость

Но у этого здания есть и более глубокий, зашифрованный слой. Над ним работали два архитектора — Василий Баженов и Осип Бове, оба не чуждые масонской символике. И если присмотреться, круг ротонды начинает читаться не только как архитектурная форма, но и как знак — символ завершенности, бесконечности, порядка. Лепнина над окнами

усиливает это ощущение: античные маски, растительные орнаменты и христианские мотивы складываются в сложный визуальный язык.

Василий Баженов и Осип Бове

Баженов успел построить колокольню и трапезную еще до пожара, заложив в них идею храма как мистического лабиринта. Бове же добавил к ним ту самую знаменитую ротонду — символ гармонического космоса. Это редкий пример «архитектурного диалога»: мистики XVIII века и спокойствия века XIX.

В названии храма — икона «Всех скорбящих Радость» — своего рода «социальный манифест» в красках. В отличие от строгих византийских образов, Богородица изображена в окружении обычных людей: больных, раздетых и голодных, которым помогают ангелы. Для купеческого Замоскворечья, где благотворительность была делом чести, этот сюжет был максимально близок. Люди шли сюда за утешением, которое визуализировано на полях иконы.

ОБРАЗЪ ПРѢСТЫЯ БЦЫ
ВСѢХЪ СКОРБѧЩИХЪ РАДОСТЕ
МР ѲУ

Последняя четв. XVIII в. Москва. Точный мерный список с чудотворной иконы из Скорбященской церкви на Ордынке. ЦМДРИ им. А. Рублева, Москва

Слава к этому месту пришла в 1688 году после предания об исцелении Евфимии, сестры патриарха Иоакима. По легенде, она долго страдала от неизлечимой раны в боку и во сне услышала голос, указавший ей на образ в храме на Ордынке. После молебна рана затянулась, и весть об этом разлетелась мгновенно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.